

Новые сюжеты и акторы коммеморативных практик в постсоветском Кургане (1991–2021 гг.)

Алексей Леонидович Авдеенко^{1, 2, 3}✉

¹ Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, Курган, Россия

² Курганский государственный университет, Курган, Россия

³ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: avdeenkoalexey@yandex.ru✉

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации политики памяти и коммеморативных практик в городе Кургане в постсоветский период (1991–2021 гг.). Автор исследует переход от монолитного советского исторического нарратива, сосредоточенного на революционной и военно-патриотической тематике, к современному плюралистичному мемориальному ландшафту. В работе выявляются ключевые процессы десакрализации старых символов и включения в городское пространство новых сюжетов: истории дореволюционного купечества, памяти о политических репрессиях, локальных военных конфликтах, а также профессиональных и семейных ценностях. Особое внимание уделяется анализу деятельности новых акторов — общественных организаций, ветеранских объединений, Русской православной церкви и бизнес-структур, чьи инициативы привели к персонификации и гуманизации памяти. Рассматриваются новые формы коммеморативных практик, такие как акция «Бессмертный полк», создание «живых памятников» и использование цифровых технологий. На основе широкого круга источников, включая региональную периодику и архивные документы, делается вывод о том, что расширение тематического спектра памяти стало основой для формирования новой городской идентичности и преодоления идеологического кризиса.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморативные практики, Курган, места памяти, региональная идентичность, мемориальный ландшафт, постсоветская трансформация

Цитирование: Авдеенко А. Л. 2026. Новые сюжеты и акторы коммеморативных практик в постсоветском Кургане (1991–2021 гг.) // Вестник Тюменского го-

сударственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 122–142. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-122-142>

Поступила 19.02.2026; одобрена 11.06.2026; принята 12.07.2026

New subjects and actors of commemorative practices in post-Soviet Kurgan (1991–2021)

Aleksey L. Avdeenko^{1, 2, 3}✉

¹ Kurgan Regional Universal Scientific Library named after A. K. Yugov, Kurgan, Russia

² Kurgan State University, Kurgan, Russia

³ University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: avdeenkoalexey@yandex.ru✉

Abstract. The article analyzes the transformation of memory politics and commemorative practices in the city of Kurgan during the post-Soviet period (1991–2021). The author examines the transition from a monolithic Soviet historical narrative, centered on revolutionary and military-patriotic themes, to a modern pluralistic memorial landscape. The study identifies key processes of desacralization of old symbols and the incorporation of new subjects into urban space: the history of pre-revolutionary merchant class, the memory of political repressions, local military conflicts, as well as professional and family values. Particular attention is paid to the analysis of new actors' activities — public organizations, veteran associations, the Russian Orthodox Church, and business structures — whose initiatives led to the personification and humanization of memory. New forms of commemorative practices are examined, such as the “Immortal Regiment” campaign, the creation of “living monuments,” and the use of digital technologies. Based on a wide range of sources, including regional periodicals and archival documents, the author concludes that the expansion of the thematic spectrum of memory became the foundation for forming a new urban identity and overcoming the ideological crisis.

Keywords: memory politics, commemorative practices, Kurgan, memory sites, regional identity, memorial landscape, post-Soviet transformation

Citation: Avdeenko, A. L. (2026). New subjects and actors of commemorative practices in post-Soviet Kurgan (1991–2021). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 122–142. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-122-142>

Received Feb. 19, 2026; Reviewed Jun. 11, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Кардинальная трансформация российского общества на рубеже 1980–1990-х гг. привела и к сдвигам в области исторического сознания. Распад Советского Союза означал собой конец государственной монополии на интерпретацию прошлого, что повлекло за собой глубокий кризис устоявшихся исторических нарративов и поиск новых оснований для коллективной идентичности, как общероссийской, так и региональной. Для города Кургана этот процесс оказался особенно интенсивным. Городское пространство, ранее формировавшееся исключительно как пространство революционное и военно-патриотическое, стало ареной активного переосмысления прошлого.

Если в советский период политика памяти формировалась строго централизованно через директивные постановления бюро обкома КПСС и идеологические комиссииⁱ, то постсоветская эпоха открыла возможности для множества альтернативных версий истории. Курган, стал местом выработки новых форм коммеморативных практик, где наиболее ярко проявились процессы десакрализации старых символов, возвращения «вытесненной» ранее памяти и поиска новых героев и сюжетов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа того, как городской социум адаптируется к новым историческим реалиям, конструируя свой образ через обращение к ранее «невидимым» или «неудобным» пластам истории. В советской модели доминировали темы Октябрьской революции и Великой Отечественной войны. Постсоветский же мемориальный ландшафт стал полифоничным, включив сюжеты, связанные с дореволюционным купечеством, трагедией политических репрессий, локальными военными конфликтами, профессиональными достижениями земляков и семейными ценностями.

Целью данной работы является комплексный анализ процесса расширения тематического спектра коммеморативных практик в городе Кургане в период с 1991 по 2021 г. Исследование направлено на выявление механизмов включения новых исторических сюжетов в городское пространство, определение роли различных акторов в этом процессе, а также на оценку влияния новых практик на формирование современной городской идентичности.

Хронологические рамки охватывают период с 1991 г. (после событий августовского путча), когда начался активный демонтаж советской идеологической системы, по 2021 г. Этот тридцатилетний отрезок позволяет проследить динамику изменений: от «войн памяти» начала 1990-х до формирования нового консенсуса в 2000–2010 гг.

Обзор литературы. Проблематика политики памяти и коммеморативных практик получила широкое освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы классиков memory studies. Концепция «мест памяти» П. Нора позволяет рассматривать памятники, мемориальные доски и топонимические объекты как материализованные формы коллективной памяти, выполняющие функции символического формирования групповой идентичности [Нора, 1999]. Несмотря на имеющуюся критику данной концепции,

ⁱ ГКУ «Государственный архив социально-политической истории Курганской области» г. Кургана (далее — ГКУ «ГАСПИКО»). Ф. 166. Оп. 344. Д. 128.

мы используем ее как удобный аналитический инструмент, чтобы рассмотреть наиболее важные символические места Кургана. Теория культурной памяти Я. Ассмана дает инструментарий для анализа механизмов передачи исторических смыслов через поколения и роли институтов в этом процессе [Ассман, 2004]. Существенное значение для исследования имеет и подход А. Ассмана, рассматривающей современную мемориальную культуру как пространство конкуренции различных режимов памяти, а также различающей канон и архив как формы сохранения прошлого [Ассман, 2016]. Работа М. Хальбвакса о социальных рамках памяти объясняет, как коллективные представления о прошлом формируются под влиянием актуальных социальных контекстов [Хальбвакс, 2007].

В российской историографии проблемы трансформации политики памяти в постсоветский период исследовались в работах А. И. Миллера, посвященных политическому использованию истории [Миллер, 2009, 2012, 2014], и О. Ю. Малиновой, анализирующей символическую политику в современной России [Малинова, 2018]. Методологически значимыми являются исследования Л. П. Репиной о соотношении исторической науки и культурной памяти [Репина, 2011].

Применительно к Курганской области специальных исследований коммеморативных практик постсоветского периода не проводилось, что определяет научную новизну данной работы.

Источниковая база исследования включает несколько групп материалов:

1. Первую группу составляют материалы региональной периодической печати — газет «Советское Зауралье» (с 1994 г. — «Новый мир») и «Субботняя газета» (с 1992 г. — «Зауралье») за период 1991–2021 гг. Был проведен сплошной просмотр публикаций, посвященных установке памятников, мемориальных досок, переименованию улиц, юбилейным мероприятиям и дискуссиям о сохранении исторического наследия. Всего выявлено и проанализировано более 150 публикаций.
2. Вторую группу источников составляют документы Курганской городской Думы, включающие решения о переименовании улиц, установке мемориальных досок, реализации программы «Любимый город». Эти документы фиксируют официальную позицию муниципальной власти и позволяют проследить процесс принятия решений в сфере коммеморативных практик.
3. Третью группу составляют архивные документы советского периода из фондов Государственного архива Курганской области (ГАКО) и Государственного архива социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО), демонстрирующие механизмы функционирования системы формирования памяти до начала трансформаций.

Методологически исследование, помимо указанных концепций классиков memory studies, опирается на сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить советскую и постсоветскую модели коммеморативных практик. Применялся метод контент-анализа публикаций региональной прессы для выявления динамики тематических приоритетов. Использовался дискурс-анализ для изучения аргументации различных акторов политики памяти.

Результаты исследования

Переход от советской системы коммеморативных практик к современной модели в Кургане представлял собой сложный процесс демонтажа идеологического контроля и формирования условий для конкуренции различных образов прошлого. Трансформация мемориального пространства города отразила общую динамику социокультурных изменений: от первоначального отрицания советских ценностей в начале 1990-х гг. до поиска компромиссных форм идентичности в 2000–2010 гг. Для понимания глубины этих сдвигов необходимо проанализировать, как происходила деконструкция прежнего исторического канона и какие новые тематические пласты заполнили образовавшийся идеологический вакуум, изменив качественные характеристики городского ландшафта.

От советского канона к плюрализму: трансформация тематического поля памяти

Советский период в Кургане характеризовался тотальной гегемонией единого идеологически выверенного исторического нарратива [Копосов, 2011]. Советская власть, используя административный и партийный ресурс, формировала коллективную память, в центре которой находились Октябрьская революция, Гражданская война и победа в Великой Отечественной войне. Этот нарратив был инструментом легитимации режима и воспитания «нового человека», преданного идеалам коммунизма. Пантеон героев был строго регламентирован и иерархичен: на вершине находился В. И. Ленин [Тумаркин, 1999, с. 188], чья статуя доминировала на главной площади города, а имя было присвоено главное улице, городскому саду, колхозам, народному дому и другие. Рядом с вождем располагались местные революционеры: 10 курганских комиссаров, Дмитрий Пичугин и Наташа Аргентовская, чьи биографии подавались исключительно в героико-романтическом ключе. Памятники им — обелиск в горсаду, бюст Пичугина, памятник Аргентовской — маркировали городское пространство как идеологически освоенноеⁱ. Память о Великой Отечественной войне также была канонизирована: массовая установка типовых обелисков с именами погибших земляков в каждом населенном пункте, создание мемориального комплекса у Вечного огня в 1975 г. и аллеи Героев создали единое сакральное пространство, где каждый элемент этого пространства работал и имел смыслⁱⁱ.

С началом перестройки и особенно после распада СССР в 1991 г. эта монолитная конструкция начала стремительно разрушаться. На смену унификации пришел плюрализм, часто переходящий в острый конфликт интерпретаций и борьбу за символы. Первым и самым болезненным симптомом стала десакрализация советских символов. В конце сентября 1991 г. в «Субботней газете» вышла статья журналиста Антона Лисы «Похоже, Америку мы обогнали...», где автор открыто задавался вопросом о целесообразности содержания огромного количества памятников Ленину в Кургане и области,

ⁱ Илюшин В. В память о горячем сердце // Советское Зауралье. Курган, 1961. 20 авг. № 197. С. 3; Сухачевский С. На века! // Советское Зауралье. Курган, 1973. 23 июня. № 145. С. 3.

ⁱⁱ ГКУ «ГАСПИКО». Ф. 166. Оп. 314. Д. 191.

которых насчитывалось 61, причем многие из них были выполнены халтурно и портили вид городов. Он предлагал собрать их в одном месте, создав своеобразный «ретропарк» тоталитарного искусстваⁱ. Сам факт такой публикации был немыслим еще несколько лет назад и свидетельствовал о крахе идеологической цензуры [Колоницкий, Мацкевич, 2022]. Период «дикого рынка» принес новые проблемы: коммерциализацию и вандализацию памяти. Статья «Гаражи на могилах» 1994 г. описывала вопиющий случай строительства частных гаражей в парке Победы на месте старого кладбища, что вызвало протесты ветерановⁱⁱ. Кража чугунных плит с могил декабристов в горсаду ради сдачи в металлолом стала символом деградации моральных нормⁱⁱⁱ.

Параллельно с критикой и демонтажем советского наследия начался процесс возвращения «вытесненной» памяти и формирования новых смысловых направлений. Одним из важнейших стала память о политических репрессиях, темы которых ранее находились под строгим запретом [Архипова, 2018]. Создание в 1992 г. курганского отделения общества «Мемориал»^{iv} стало институциональным оформлением этого процесса. Активисты начали сбор воспоминаний, поиск мест массовых захоронений и борьбу за установку памятника жертвам репрессий. Председатель общества Михаил Шангин, сам прошедший ГУЛАГ, в статье «Возвращение к правде» 1996 г. с горечью писал о трудностях: чиновники отмахивались, собранные народом деньги исчезли в недрах Фонда культуры, но сам факт публичного обсуждения того, что в здании на улице Советской, 104, была внутренняя тюрьма НКВД, стал прорывом^v. Память о репрессиях заставляла горожан переосмысливать советский период ни как историю сплошных побед, а как трагедию народа.

Другим важным направлением стало обращение к дореволюционному прошлому Кургана, которое в советское время трактовалось негативно как «темное царство» купцов и эксплуататоров или попросту игнорировалось. Началось всё с установки бронзового памятника Д. И. Смолину в 2000 г. у здания заводууправления ОАО «Кургандрожди»^{vi}. В 2019 г. была торжественно открыта мемориальная доска городскому голове Ф. В. Шветову, управлявшему Курганом 20 лет и много сделавшему для его процветания^{vii}. Это стало актом исторической реабилитации купечества и признанием его вклада в развитие города. В 2013 г. в городе появился уникальный памятный знак «Идентификатор Троицкой площади», напоминающий о разрушенном в 1957 г. Троиц-

ⁱ Лиса А. Похоже, Америку мы обогнали... // Субботняя газета. Курган, 1991. 21 сент. № 38. С. 2.

ⁱⁱ Менщикова Т. Гаражи на могилах // Советское Зауралье. Курган, 1994. 5 марта. № 43. С. 3.

ⁱⁱⁱ Тихонов Б. Ограбленная история // Новый мир. Курган, 2003. 18 июля. № 131. С. 4.

^{iv} «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

^v Шангин М. Возвращение к правде // Новый мир. Курган, 1996. 21 нояб. № 216. С. 4.

^{vi} Культурное наследие города Кургана / Административное здание винокуренного завода Д. И. Смолина, ул. Куйбышева, 122. <https://kurgan.pro/okn/n037/> (дата обращения: 14.07.2026).

^{vii} Игнатов С. В Кургане открыли мемориальную плиту о городском голове // Новый мир. Курган, 2019. 13 нояб. № 46. С. 4.

ком соборе. Надпись на камне гласила: «Разрушен 25 мая 1957 г.»ⁱ. Это была попытка вернуть городу его историческую топографию.

В 2000-е гг. началось активное возрождение памяти о духовных лидерах и религиозной истории. Установка памятника святому благоверному князю Александру Невскому на территории завода «Курганприбор» в 2007 г. по инициативе председателя совета директоров Сергея Муратова символизировала синтез патриотизма, православия и новой корпоративной культуры. Освящение провел епископ Михаилⁱⁱ.

Афганская война и чеченские кампании породили новое поколение ветеранов и павших, чья память требовала увековечения, но не вписывалась в старые каноны [Наумов, 2019]. К концу 1990 гг. в Кургане сформировалось многочисленное сообщество участников локальных конфликтов, нуждавшееся в собственном пространстве скорби и памяти. Ярким примером стало создание мемориала «Сраженный пулей» в сквере у кинотеатра «Звездный», открытого в 2000 г. Памятник изображает падающего солдата, зажимающего рану, и лишен помпезности и советских мемориалов: он отражает боль, уязвимость жизни и трагизм войны. На плитах высечены имена 223 зауральцев, погибших в локальных конфликтах разных времен. Мемориал сразу стал местом ежегодных встреч ветеранов, матерей и вдов, превратившись в живое пространство скорби и боевого братстваⁱⁱⁱ.

Существенно трансформировался и подход к героизации труда. Если в СССР прославляли в основном рабочих и колхозников, то в постсоветский период в пантеон героев вошли представители интеллигенции: врачи, учителя, ученые, промышленники. Показательным примером стала история увековечения памяти Якова Давидовича Витебского (1919–1994), выдающегося хирурга-гастроэнтеролога, создателя уникальной научной школы, спасшего тысячи жизней. Его авторитет был настолько велик, что решение об увековечении памяти было принято практически сразу после смерти. В 1994 г., в день 75-летия со дня рождения врача, был открыт памятник работы скульптора В. Епишева. Позже, в 2019 г., к 100-летию Витебского, была открыта новая мемориальная доска на корпусе областной больницы^{iv}. Это был памятник не «бойцу идеологического фронта», а гуманисту, врачу, и установка такого монумента символизировала признание того, что героизм может быть не только военным, но и профессиональным. Память о Г. А. Илизарове^v, А. Д. Сазонове^{vi}, Н. В. Парышеве^{vii} также фиксировала ценность

ⁱ Снегина О. О чем камень говорит? // Новый мир. Курган, 2013. 23 нояб. № 136. С. 2.

ⁱⁱ Лушиц Е. Святой у заводской проходной // Новый мир. Курган, 2007. 12 сент. № 179. С. 1.

ⁱⁱⁱ Федорова К. Сраженный пулей // Новый мир. Курган, 2010. 6 окт. № 196. С. 4.

^{iv} Югова Т. Хирург с золотыми руками и доброй душой // Новый мир. Курган, 2019. 10 июля. № 28. С. 4.

^v Мерзлякова С. Школа мастеров академика Илизарова // Новый мир. Курган, 2006. 21 июня. № 127. С. 2.

^{vi} Перова М. Поддержка от сильного прошлого // Новый мир. Курган, 2017. 16 мая. № 51. С. 2.

^{vii} Мерцалова Л. Ушедший в вечность друг // Новый мир. Курган, 2009. 22 июля. № 138. С. 1.

профессионализма, интеллекта и созидания. Курганским школам в свою очередь присваиваются имена педагогов или директоров, внесших значительный вклад в образование области или конкретного учреждения (Гимназии № 32 — Е. К. Кулаковойⁱ). При этом заметна тенденция демонтажа «советских имен» у школ (СОШ № 39 носила имя «Молодой гвардии»ⁱⁱ, Гимназия № 47 носила имя Героя Советского Союза В. А. Шаталоваⁱⁱⁱ, СОШ № 59 носила имя Ю. А. Гагарина^{iv}).

В мемориальную повестку вошли и темы техногенных катастроф. Авария на Чернобыльской АЭС коснулась многих курганцев-ликвидаторов. В 2006 г., к 20-летию трагедии, в парке Победы был заложен мемориальный камень в память о героях-чернобыльцах^v. Это стало признанием того, что техногенные трагедии представляют собой такую же часть истории, как и войны. Принципиально новым направлением стали коммеморативные практики универсальных человеческих ценностей, не связанных с героикой или трагедией.

Таким образом, переход от идеологической унификации к плюрализму исторических нарративов в Кургане был сложным, противоречивым и многогранным процессом. Он включал в себя не только разрушение старых мифов и десакрализацию идолов, но и активное конструирование новых смыслов, основанных на локальной истории, личной памяти и общечеловеческих ценностях. Город учился жить в условиях, когда прошлое не задано сверху, а является предметом обсуждения, выбора и личной ответственности.

Акторы коммеморативных практик: субъекты политики памяти и механизмы взаимодействия

Расширение тематики коммеморативных практик в постсоветском Кургане стали возможны во многом благодаря активной деятельности новых общественных институтов и трансформации роли государственных структур [Малинова, 2013]. В условиях, когда государство утратило монополию на формирование исторической памяти, а официальная идеология рухнула, сформировалась сложная система взаимодействия различных акторов [Святославский, 2013].

Одним из первых и наиболее влиятельных общественных институтов, бросивших вызов советскому канону, стало историко-просветительское и правозащитное общество

ⁱ Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Кургана «Гимназия № 32 имени Е. К. Кулаковой» // О гимназии. <https://shkola32kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-gimn/o-gimn/> (дата обращения: 14.07.2026).

ⁱⁱ МБОУ г. Кургана «СОШ № 5» // О школе. <https://shkola5kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 14.07.2026).

ⁱⁱⁱ МБОУ г. Кургана «Гимназия № 47» // О гимназии. <https://ling47.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 14.07.2026).

^{iv} МБОУ «СОШ № 59» // О школе. <https://shkola59kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 14.07.2026).

^v Мерцалова Л. Трагедия Чернобыля не должна повториться // Новый мир. Курган, 2006. 26 апр. № 83. С. 1.

«Мемориал»ⁱ. Курганское отделение, созданное в 1992 г. на волне демократического подъема, сыграло ключевую роль в легализации темы политических репрессий. Активисты общества, среди которых были дети и внуки репрессированных, историки, журналисты, вели кропотливую работу по сбору воспоминаний, поиску мест массовых захоронений, составлению мартирологов и реабилитации жертв. Именно благодаря настойчивости «Мемориала»ⁱⁱ и его председателя Михаила Шангина найдено здание по адресу улица Советская, 104, где в 1930-х гг. располагалась внутренняя тюрьма НКВДⁱⁱⁱ. Предложение создать там музей и установить памятник жертвам репрессий стало вызовом официальному советскому нарративу. «Мемориал»^{iv} проводил ежегодные акции памяти 30 октября, организовывал выставки и публикации, и в итоге добился установки закладного камня, а затем и памятника, превратив эту тему из маргинальной в общественно значимую. Именно благодаря деятельности общества, и непосредственно его председателю в октябре 2000 г. в Кургане был открыт памятник жертвам политических репрессий.

Огромную, системообразующую роль в сохранении памяти о Великой Отечественной войне и локальных конфликтах сыграли ветеранские организации. В постсоветский период они трансформировались из парадных структур в реальных защитников интересов своих членов и хранителей памяти. Так, например, именно они инициировали создание мемориала «Сраженный пулей»: ветеранские организации выступили инициаторами, собрали часть средств и организовали церемонии, городская администрация выделила логистически удобное место в центре города, скульптор В. Епишев создал художественную концепцию, а представители бизнеса помогли материалами и финансированием. Когда в 2012 г. памятник начал ветшать, а городские власти ссылались на отсутствие средств, ветераны сами вышли на субботник: мыли плиты, красили скамейки, убирали мусор. «Загубили пацанов, и теперь даже память о них сохранить не можем!» — возмущался генерал Усманов^v. В 2019 г. территорию памятника реконструировали. Этот пример демонстрирует как возможности партнерства различных акторов, так и проблемы, возникающие при отсутствии системного подхода к содержанию мемориальных объектов.

Новым и влиятельным игроком на поле памяти стала Русская Православная Церковь и околоцерковные организации. Курганская епархия и региональное отделение Императорского Православного Палестинского Общества стали инициаторами возвращения в культурный оборот имен выдающихся деятелей церкви и духовной культуры. Масштабное празднование 200-летия архимандрита Антонина (Капустина) в 2017 г. стало

ⁱ «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

ⁱⁱ «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

ⁱⁱⁱ Сотникова М. Курганский «Мемориал» // Субботняя газета. Курган, 1992. 18 апр. № 16. С. 4.

^{iv} «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

^v Никитенко Н. «Раненый солдат» просит о помощи // Новый мир. Курган, 2012. 17 июля. № 81. С. 3.

результатом объединения усилий церковных структур с властью и научным сообществомⁱ. Другим ярким примером является открытие в 2006 г. в Кургане Гимназии имени Святого благоверного князя Александра Невскогоⁱⁱ. Церковь также активно участвовала в мемориализации жертв репрессий через панихиды у памятников и установку крестов на местах расстрелов, а также в патриотическом воспитании через освящение знамен и участие священников в присягах. Это придало коммеморативным практикам духовное измерение, которого они были лишены в советское время.

Важнейшую, хотя и менее заметную, функцию выполняли краеведческие объединения и музеи [Мазур, 2013]. Деятельность, начатая еще в советское время, продолжилась и в постсоветский период. В условиях хронической нехватки государственного финансирования школьные музеи и уголки боевой славы, созданные энтузиастами-учителями, оставались главными центрами сохранения локальной памяти. Так, клуб «Красные следопыты» при Дворце пионеров, руководимый И. А. Угрюмовой, десятилетиями вел переписку с ветеранами 369-й дивизии, по крупицам восстанавливая историю формирования этого военного соединения в Курганеⁱⁱⁱ. Благодаря таким энтузиастам история войны не превратилась в сухую статистику, а осталась живой. Краеведы А. М. Васильева [Васильева, 1997] и Б. Н. Карсонов [Карсонов, 2015], А. Д. Кузьмин [Кузьмин, 2011] своими публикациями и книгами возвращали городу его дореволюционную историю.

Нельзя не отметить возрастающую роль благотворительных фондов. Фонд «Мама», организовавший конкурс и сбор средств на памятник «Родители»^{iv}, показал пример того, как общественная организация может формировать городскую среду и внедрять новые ценности, альтернативные военной героике. Особого внимания заслуживает деятельность Российского фонда мира в лице Курганского отделения, ставшего оператором по сбору средств и изданию многотомной «Книги Памяти». Идея создания поименных списков погибших в Великой Отечественной войне зародилась в конце 1980-х гг. в условиях гласности. К началу 1990-х стало очевидно, что официальные списки полны ошибок, тысячи имен пропущены или искажены. Работа началась в начале 1990-х гг. и объединила усилия десятков тысяч людей: общественность в лице ветеранов, родственников погибших и поисковых отрядов собирала информацию, сверяла данные, выявляла неточности; государственные структуры предоставили доступ к закрытым ранее архивам, обеспечили организационную поддержку; Фонд мира взял на себя роль оператора по сбору народных пожертвований. Важнейшей особенностью проекта стала его всенародная поддержка: средства на издание собирались буквально всей областью и не только. В 1994 г. газета «Новый мир» рассказала трогательную историю пенсионерки Галины Петровны Евтушенко, которая пожертвовала 100 тысяч рублей из своих

ⁱ Макоева Т. Живая связь времен и поколений // Новый мир. Курган, 2017. 6 сент. № 35. С. 1.

ⁱⁱ Курганская епархия // Православная школа. <https://kurganvera.ru/eparchy/school/> (дата обращения: 14.07.2026).

ⁱⁱⁱ Мусина В. Память и поиск // Советское Зауралье. Курган, 1984. 21 июня. № 143. С. 4.

^{iv} Макоева Т. Кургану нужны «Родители» // Новый мир. Курган, 2007. 17 февр. № 31. С. 3.

скромных сбережений. «Я внесла еще несколько месяцев назад... Побудили к этому воспоминания о годах войны... Мой отец Петр Андреевич Малахов... не вернулся», — говорила онаⁱ. К 1994 г. были изданы тома по всем районам областиⁱⁱ. Проект превратил абстрактную цифру потерь в конкретные имена, судьбы, семейные истории и показал способность общества к самоорганизации ради сохранения памяти.

В последние годы активную роль стало играть Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию». Проекты ОНФ «Имя героя — школе», «Память народа», «Судьба солдата» придали новый импульс мемориальной работе, обеспечив ей федеральную поддержку и медийное освещение. В рамках этих проектов десяткам школ области были присвоены имена Героев Советского Союза, установлены новые памятникиⁱⁱⁱ. Показательным примером стало присвоение школе № 75 имени Героя России Евгения Родькина, командира СОБРа, погибшего в Грозном. Это было совместное решение педагогического коллектива, ветеранов МВД и городской администрации^{iv}. Ежегодно в день рождения Родькина, 20 декабря, в школе проходит торжественное посвящение в кадеты, создан музей боевой славы, проводятся встречи с ветеранами и уроки мужества. Присвоение имени героя школе сделало память о войне частью школьной жизни, близкой и понятной для детей. Герой в данном случае не бронзовый идол на площади, а парень с соседней улицы, чья биография изучается на уроках, чьи родители приходят на встречи.

Память о Евгении Родькине не ограничивается школой: мемориальная доска в его честь установлена также на фасаде корпуса Курганского государственного университета (ул. Советская), где он учился^v. Таким образом, имя героя вписано в несколько точек городского пространства — школу, университет, — формируя целую «географию памяти» об одном человеке».

Роль государства в постсоветский период радикально изменилась [Малинова, 2015]. Если в советское время все инициативы исходили из кабинетов обкома партии, то теперь государственные структуры, включая областную администрацию, городскую Думу и управление культуры, выступают скорее как координаторы, партнеры и источники ресурсов. Городская Дума принимала решения о переименовании улиц, установке мемориальных досок, реализации программы «Любимый город». Областная администрация и военкоматы предоставляли доступ к архивам, обеспечивали организационную поддержку крупных проектов. Однако государство не всегда было эффективным. В сфере охраны памятников истории и культуры часто возникали конфликты. В интервью 2009 г. чиновник управления культуры Дмитрий Бровко честно признавал, что охране культур-

ⁱ Евтушенко Г. В память о погибших // Новый мир. Курган, 1994. 30 авг. № 163. С. 3.

ⁱⁱ «Книга памяти» для зауральцев // Новый мир. Курган, 1993. 2 марта. № 41. С. 4.

ⁱⁱⁱ В память о Героях // Новый мир. Курган, 2015. 26 августа. № 34. С. 3.

^{iv} Побритухин Ю. Память о герое не умирает // Зауралье. Курган, 2000. 23 дек. № 242. С. 1.

^v В Кургане состоялось открытие мемориальной доски Герою Российской Федерации подполковнику милиции Евгению Родькину // Управление МВД России по Курганской области. <https://45.мвд.рф/news/item/11911168> (дата обращения: 13.07.2026).

ного наследия нужны друзья, то есть помощь общественности, так как у государства катастрофически не хватает ресурсовⁱ.

Интересным и новым феноменом стало участие бизнеса в политике памяти. Предприниматели, выступая как частные лица или представители крупных корпораций, брали на себя финансирование создания и установки памятников. Установка памятников на территориях предприятий, таких как памятник Николаю Парышеву на заводе «Курганстальмост» или аллея имени Г. А. Пиратинского на «Курганмашзаводе», представляла собой инициативу бизнеса, формирующую корпоративную идентичность и связывающую современное производство с героической историейⁱⁱ.

Таким образом, общественные институты в постсоветский период стали главными драйверами расширения и обновления тематики коммеморативных практик. Они заполнили идеологический вакуум и предложили обществу новые темы, форматы и смыслы памяти. Благодаря их деятельности мемориальное пространство региона стало более сложным, многообразным и гуманным. Государство же научилось, хотя не всегда эффективно, выстраивать партнерские отношения, используя общественную энергию для реализации своих целей.

Новые формы и коммеморативные практики

В постсоветский период, наряду с традиционными формами монументальной пропаганды, в Кургане начали активно развиваться другие коммеморативные практики. Эти новые форматы, рожденные на стыке гражданского активизма, религиозной традиции, современного искусства и цифровых технологий, были призваны преодолеть формализм советских ритуалов, сделать память более личной, интерактивной и органично включенной в повседневную жизнь людей.

Одной из самых ярких, массовых и эмоционально насыщенных инноваций стала акция «Бессмертный полк» [Аникин, 2020]. В Кургане она получила поддержку и мгновенно стала народной, так как отвечала глубинному общественному запросу на персонафикацию памяти о Великой Отечественной войне. В отличие от официальных парадов советского образца, где главными героями были трибуны с начальством и военная техника, здесь в центре внимания оказались простые люди с портретами своих предков. Как отмечает исследователь коммемораций Великой Отечественной войны М. Габович, появление «Бессмертного полка» стало реакцией общества на чрезмерную бюрократизацию праздника, попыткой вернуть Дню Победы его личное, семейное измерение, став своеобразным «глотком свежего воздуха» на фоне казенных ритуалов [Габович, 2015]. Этот ритуал позволил каждому жителю, независимо от возраста и статуса, почувствовать личную, кровную связь с «большой историей», превратив семейный архив из частного дела в часть общенационального достояния. Шествие с портретами

ⁱ Шахова Н. Охране культурного наследия нужны друзья // Новый мир. Курган, 2009. 16 июля. № 28. С. 2.

ⁱⁱ Шахова Н. «Я всегда хотел людям только хорошего» // Новый мир. Курган, 2002. 12 сент. № 169. С. 2.

стало актом символического воскрешения погибших, их возвращения в строй живых [Степанцевич, 2021]. Именно «Бессмертный полк» стал массовым воплощением того подхода к персонификации памяти, который был заложен при создании «Книги Памяти» [Книга памяти, 1993]: от абстрактных цифр потерь к конкретным именам и лицам. Схожей по эмоциональному воздействию стала акция «Свеча памяти», проводимая ежегодно в День памяти и скорби 22 июня. В 2011 г. в Кургане молодые активисты «Молодой Гвардии» зажгли свечи у мемориала воинам-интернационалистам в память о жертвах грузино-осетинского конфликта, тем самым расширив смысловое поле акции и включив в него современные трагедииⁱ. Использование свечей, придавало акции глубокое духовное измерение, превращая ее из политического мероприятия в личный акт скорби и молитвы.

Одной из самых интересных практик стала акция «Живи, родник», инициированная военным комиссаром Владимиром Усмановым. Идея заключалась в установке именных колодцев в честь Героев Советского Союза-земляков. Это был принципиально новый, гуманистический подход к мемориализации: памятник не как каменный истукан, к которому возлагают цветы раз в год, а как источник жизни, приносящий реальную, ежедневную пользу людям. Так, в 1995 г. у Омского моста был торжественно освящен колодец-памятник имени Героя Советского Союза Александра Евгеньевича Черемухинаⁱⁱ. Освящение колодцев священнослужителями придавало акции глубокое духовное измерение, соединяя память о войне с христианской традицией и экологическим сознанием. Вода из такого колодца воспринималась как «живая вода» памяти. Всего планировалось установить 100 таких «живых памятников», что превращало карту региона в сеть сакральных точек, где можно не только поклониться герою, но и утолить жажду, физически прикоснувшись к памяти.

Новые подходы проявились и в городской скульптуре, которая стала более демократичной и близкой к человеку. Памятник «Родители», открытый в 2007 г. в городском саду Кургана по проекту скульптора Л. Лапердиной, стал первым монументом, посвященным не конкретному герою, вождю или событию, а социальной роли и вечным семейным ценностям. Организация открытого конкурса эскизов, в котором участвовали как профессионалы, так и любители, и последующий народный сбор средств сделали этот проект общегородским делом, объединившим жителей. Скульптура сразу же обросла новыми городскими ритуалами: молодожены стали проходить под аркой рук бронзовых родителей, загадывая желания о счастливой семейной жизни. Это пример того, как памятник становится частью не идеологического, а жизненного сценария горожан, местом радости, а не скорбиⁱⁱⁱ. Знак «Нулевой километр», установленный у почтамта в 2012 г., стал популярной фотозоной и символической точкой отсчета личных

ⁱ Никитенко Н. Забыть не имеем права // Новый мир. Курган, 2011. 11 авг. № 151. С. 4.

ⁱⁱ Гессе Н. Живи, родник, живи // Новый мир. Курган, 1995. 30 мая. № 102. С. 3.

ⁱⁱⁱ Волкова В. «Я хочу, чтобы к «Родителям» приходили с мечтами и радостью» // Новый мир. Курган, 2007. 31 окт. № 215. С. 2; «Мира, благоденствия России, матерям и детям на земле!» // Новый мир. Курган, 2007. 27 нояб. № 235. С. 1.

маршрутовⁱ. Эти объекты не несут тяжелой идеологической нагрузки, но выполняют важную функцию создания «мест памяти» и идентичности, делая город более уютным и узнаваемым.

Специфической формой коммеморативной практики стала «именная» благотворительность и меценатство, возрождающая дореволюционные традиции. Установка памятников на территориях предприятий представляет собой не просто дар городу, но и формирование новой корпоративной идентичности. Открытие аллеи имени главного технолога Г. А. Пиратинского на «Курганмашзаводе» в 2002 г. демонстрирует, как память о выдающихся специалистах становится частью бренда предприятия, инструментом воспитания гордости за свой заводⁱⁱ.

В 2000-е гг. в сферу памяти начали активно проникать цифровые технологии. Создание электронной версии «Книги Памяти» — Память Зауральяⁱⁱⁱ, публикация списков погибших на сайтах, оцифровка архивных документов и фотографий позволили сделать историческую информацию доступной для каждого в любой точке мира. Это превратило поиск сведений о предках из сложной исследовательской задачи в действие, доступное любому школьнику. В 2010 г. в рамках областного конкурса «Без прошлого нет будущего» школьники создавали исследовательские мультимедийные проекты под названием «Если бы улицы умели говорить», используя как архивные данные, так и устные истории, записанные на диктофоны и видеокамеры^{iv}. Технологии позволили сохранить голоса уходящего поколения ветеранов и сделать их частью цифрового наследия.

12 октября 2011 г. с целью популяризации культурного наследия областного центра был запущен интернет-проект «Культурное наследие города Кургана». Сайт аккумулирует информацию о «старом» Кургане, его архитектуре и жителях, делая краеведческие материалы доступными широкой аудитории^v.

Таким образом, инновационные коммеморативные практики в Кургане характеризуются переходом от монументального гигантизма к интерактивности, от идеологического диктата к личной сопричастности, от государства к гражданскому обществу. Все это представляет собой способы сделать память живой, действенной и эмоционально близкой каждому человеку, превратить историю из набора дат в часть личной биографии.

ⁱ Макоеева Т. Нулевой километр — точка отсчета // Новый мир. Курган, 2012. 28 авг. № 99. С. 2.

ⁱⁱ Шахова Н. «Я всегда хотел людям только хорошего» // Новый мир. Курган, 2002. 12 сент. № 169. С. 2.

ⁱⁱⁱ Память Зауралья. <https://pamyat.kurganobl.ru/> (дата обращения: 17.07.2026).

^{iv} Федорова К. Благодарные потомки — командарму // Новый мир. Курган, 2010. 15 мая. № 90. С. 2.

^v Культурное наследие города Кургана. <https://kurgan.pro/okn/> (дата обращения: 13.07.2026).

Вызовы и перспективы развития мемориальной культуры

Расширение тематики коммеморативных практик в Кургане, несмотря на очевидные достижения, не является бесконфликтным процессом. Современная политика памяти сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые требуют осмысления и выработки стратегий преодоления.

Одной из самых острых проблем остается состояние материального наследия. Многие памятники, особенно те, что были установлены в советское время, ветшают и разрушаются без должного ухода. Если знаковые объекты в центре города поддерживаются в порядке, то мемориалы на окраинах или в парках часто оказываются заброшенными. Характерным примером стал демонтаж в 1993 г. обветшавшего гипсового памятника основателю города Тимофею Невежину, установленного в 1964 г. Монумент был убран не по идеологическим соображениям, а из-за разрушения и отсутствия средств на реставрацию, что наглядно продемонстрировало безразличие к историческому наследию в кризисные годыⁱ. Показательной стала и ситуация с мемориалом «Сраженный пулей», который к 2012 г. начал ветшать, и только субботник ветеранов и последующее общественное внимание привели к его реконструкции в 2019 г. Еще более тревожной проблемой является вандализм: кражи чугунных плит с могил декабристов и памятника Пичугину ради сдачи в металлолом в 2003 г. свидетельствуют о глубокой деградации моральных норм у части населения, для которой память не имеет ценностиⁱⁱ.

Второй вызов носит демографический и социальный характер [Аникин, 2012]. Уход из жизни поколения ветеранов Великой Отечественной войны ставит вопрос о том, кто будет хранителем живой памяти. Живой голос свидетеля, который был основой советской педагогики памяти, исчезает. Акция «Бессмертный полк» стала мощным ответом на этот вызов, позволив передать эстафету памяти внукам и правнукам, но важно, чтобы она не превратилась в формальное шествие, а сохранила личный, семейный смысл. Также существует риск разрыва поколений в восприятии памятников: для молодежи, не знающей контекста, памятник Ленину может быть просто арт-объектом, а мемориал «афганцам» — местом, где молодежь развлекается. Опыт школы № 75 имени Родкина показывает один из возможных путей решения этой проблемы: включение памяти о герое в повседневную образовательную практику, создание музея, регулярные встречи с ветеранами делают память живой и значимой для нового поколения.

Третий вызов связан с конфликтом интерпретаций и поиском консенсуса [Миллер, 2002]. Попытки примирить «красных» и «белых», советское и антисоветское не всегда успешны. Показательной в этом отношении стала инициатива 2017 г. депутата Государственной Думы, председателя регионального отделения Российского военно-исторического общества Александра Ильякова по установке в городском саду Кургана мемориала согласия и примирения. Проект предполагал размещение барельефа «Красный и Белый» — части триптиха известного советского скульптора Льва Голо-

ⁱ Макоевеева Т. Нулевой километр — точка отсчета // Новый мир. Курган, 2012. 28 авг. № 99. С. 2.

ⁱⁱ Тихонов Б. Ограбленная история // Новый мир. Курган, 2003. 18 июля. № 131. С. 4.

ницкого «Мой век». На барельефе изображены два брата, которых Гражданская война поставила по разные стороны баррикад, и их мать, делящая между ними единственную буханку хлеба. «Давайте в наш век мы примиримся раз и навсегда: нет ни белых, ни красных — мы люди одной страны!» — заявил Ильтяков, предлагая установить памятник на месте захоронений жертв Гражданской войны в горсаду¹. Однако проект так и не был реализован, что свидетельствует о сложности достижения общественного консенсуса по болезненным историческим вопросам.

Споры о переименовании улиц, дискуссии о целесообразности сохранения памятников Ленину и установки монументов жертвам репрессий показывают, что гражданская война в умах еще не закончена. Необходимо искать такие формы коммеморативных практик, которые бы объединяли, а не раскалывали общество. Установка памятников «нейтральным», гуманистическим героям, таким как врач Витебский или учитель Сазонов, представляет собой один из перспективных путей решения этой проблемы: профессиональный подвиг и служение людям не несут идеологической нагрузки и могут объединить людей разных политических взглядов». Вместе с тем перспективы развития мемориальной культуры в городе выглядят обнадеживающими при условии использования новых возможностей. Развитие цифровых технологий открывает огромные перспективы: создание виртуальных музеев, интерактивных карт памяти, онлайн-архивов делает историю доступной и привлекательной для молодежи. Электронная версия «Книги Памяти», «Культурное наследие города Кургана», «Мемориальные доски Кургана» показывают эффективность этого направления. Проект «Имя героя — школе», поддержанный ОНФ, демонстрирует возможности системной работы по передаче памяти через образовательные институты.

Важным и пока недостаточно используемым ресурсом является мемориальный туризм. Курган обладает уникальными объектами: Дом-музей декабристов, являющийся единственным за Уралом; памятники конструктивизма; места, связанные с Илизаровым. Эти места могут стать точками притяжения для туристов при условии инвестиций в инфраструктуру и грамотного маркетинга. Развитие пешеходных маршрутов и установка информационных табличек представляют собой шаги в правильном направлении.

Необходимо также развивать культуру участия. Память жива, пока в ее сохранении участвуют люди. Практики «народной стройки» представляют собой формы гражданского воспитания, которые необходимо развивать. Опыт ветеранских организаций, самостоятельно выходящих на субботники для ухода за мемориалами, показывает, что общество готово брать на себя ответственность за сохранение памяти.

Таким образом, будущее политики памяти в Кургане зависит от способности власти и общества находить баланс между сохранением традиций и поиском новых форм, между государственным заказом и низовой инициативой. Главная цель состоит в том, чтобы сделать память не мертвым грузом, а живым ресурсом развития.

¹ «В наш век положим этому конец». В горсаду Кургана установят мемориал согласия и примирения // URA.RU. Информационное агентство. <https://ura.news/news/1052275671> (дата обращения: 15.07.2026).

Заключение

Проведенное исследование расширения тематики коммеморативных практик в городе Кургане в постсоветский период с 1991 по 2021 г. позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о трансформации модели исторической памяти и ее роли в жизни городского сообщества.

За три десятилетия город прошел сложный путь от монолитной, идеологически детерминированной советской системы, где доминировали революционные и военные нарративы, к полифоничному, многослойному и порой конфликтному мемориальному пространству. Этот процесс не был простым механическим замещением «старых» символов «новыми»; он представлял собой сложный синтез, борьбу за интерпретацию прошлого и поиск новых смысловых опор.

Главным итогом этого периода стало разрушение государственной монополии на память. Субъектами политики памяти стали общественные организации, краеведы, Церковь, благотворительные фонды и частный бизнес [Аникин, 2020]. Общество доказало свою способность самостоятельно формировать повестку памяти, что наглядно продемонстрировали такие проекты, как издание «Книги Памяти», создание мемориала «Сраженный пулей» и присвоение школам имен героев.

Важнейшей тенденцией стала гуманизация и персонификация памяти. На смену абстрактным героям пришло внимание к конкретной человеческой судьбе. Жители города получили возможность гордиться не только полководцами, но и врачами, учителями, простыми солдатами. Памятники Витебскому, Сазонову, Парышеву символизируют признание ценности профессионального служения.

Существенно расширился тематический спектр коммеморативных практик. В публичное пространство вернулись «вытесненные» темы: репрессии, православная культура, дореволюционная история, трагедия исчезнувших деревень, семейные ценности.

Сформировались инновационные практики памяти. Произошел переход от монументального гигантизма к интерактивности, от стоящих памятников к «живым памятникам» в виде колодцев, от идеологии к человеческим ценностям, от государственных парадов к народному шествию «Бессмертного полка».

Вместе с тем исследование выявило и проблемные зоны. Состояние многих памятников остается тревожным. Вандализм и коммерциализация свидетельствуют о кризисе моральных ценностей. Конфликты вокруг топонимики показывают, что гражданское примирение представляет собой длительный процесс, требующий диалога. Нереализованный проект мемориала согласия и примирения в городском саду наглядно демонстрирует сложность достижения консенсуса по болезненным историческим вопросам.

Тем не менее опыт Кургана демонстрирует, что историческая память обладает огромным интегративным потенциалом. Новые практики помогают людям преодолевать социальную атомизацию, чувствовать связь с землей и предками. Региональная идентичность, обогащенная новыми сюжетами и героями, становится важным ресурсом развития города. Перспективным направлением дальнейшего изучения темы представляется расширение источниковой базы за счет интервью и материалов устной истории.

Привлечение свидетельств участников мемориальных инициатив, ветеранов, краеведов, представителей церковных и общественных организаций, а также жителей города позволило бы глубже раскрыть личностное измерение коммеморативных практик, уточнить мотивацию их акторов и проследить механизмы передачи памяти на уровне семейных и локальных сообществ. Сохранение и творческое переосмысление этого наследия представляет собой задачу не только власти, но и всего гражданского общества. Память должна стать не мертвым грузом, а живым ресурсом, помогающим людям любить свой город и чувствовать ответственность за его судьбу.

Список источников

- Аникин Д. А. 2012. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 12. № 2. С. 34–38.
- Аникин Д. А., Линченко А. А. 2020. Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики // Общество. Коммуникация. Образование. Т. 11. № 2. С. 30–43. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11203>.
- Архипова С. А. 2018. Сохранение исторической памяти о жертвах политических репрессий // XVI Зыряновские чтения: мат. Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 6–7 декабря 2018 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. С. 74–77.
- Ассман А. 2016. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 223 с.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 368 с.
- Васильева А. М. 1997. Забытый Курган / Васильева А. М.; Курган. обл. краевед. музей. Курган: Зауралье. 359 с.
- Габович М. 2015. Памятник и праздник: Этнография Дня Победы. СПб.: Нестор-История. 432 с.
- Карсонов Б. Н. 2015. Диалоги времен. Курган: [Б. и.]. 775 с.
- Книга Памяти, 1941–1945. Курганская область. Курган: Парус-М, 1993.
- Колоницкий Б. И., Мацкевич М. Г. 2022. Ленин как «место памяти» постсоветской России. Память о политике и память о мемориальном проекте // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 3 (58). С. 125–137. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-125-137>.
- Копосов Н. 2011. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение. 320 с.
- Кузьмин А. Д. 2011. Огонь столетий. Курган: Шумиха. 416 с.
- Мазур Л. Н. 2013. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (117). С. 243–256. <http://elar.ufu.ru/handle/10995/21845>.
- Малинова О. Ю. 2013. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН. 421 с.

- Малинова О. Ю. 2015. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 207 с.
- Малинова О. Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб.: Нестор-История. С. 27–53.
- Миллер А. И. 2009. Россия: власть и история // Pro et Contra. Т. 13. № 3–4. С. 6–23.
- Миллер А. И. 2012. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, И. Липец. М.: Новое литературное обозрение. С. 328–367.
- Миллер А. И. 2014. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Полития. № 4 (75). С. 49–57.
- Наумов С. С., Рыженко В. Г. 2019. Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: мат. VI Международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под ред. Т. И. Рябовой. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет. С. 430–438.
- Нора П. 1999. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 17–50.
- Репина Л. П. 2011. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 560 с.
- Святославский А. В. 2013. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище. 588 с.
- Степанцевич Т. В. 2021. Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России // Вестник гуманитарного образования. № 1 (21). С. 119–123. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.014>.
- Тумаркин Н. 1999. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Академический проект. 285 с.
- Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. 348 с.

References

- Anikin, D. A. (2012). Strategies of memory politics in the post-imperial space. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 12(2), 34–38. [In Russian]
- Anikin, D. A., & Linchenko, A. A. (2020). Commemorative dates in the symbolic space of modern Russia: State strategies and cultural practices. *Society. Communication. Education*, 11(2), 30–43. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11203> [In Russian]
- Arkhipova, S. A. (2018). Preserving historical memory of the victims of political repression. In *Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference “XVI Zyryanov Readings”* (December 6–7, Kurgan) (pp. 74–77). Kurgan State University Publishing House. [In Russian]
- Assmann, A. (2016). *New Discontent with Memorial Culture* (Translation by B. Khlebnikov). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. [In Russian]

- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in Early Civilizations*. Yazyki Slavyanskoy Kultury. [In Russian]
- Vasilyeva, A. M. (1997). *Forgotten Kurgan*. Zauralye. [In Russian]
- Gabovitch, M. (2015). *Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day*. Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Karsonov, B. N. (2015). *Dialogues of Times*. [S.n.]. [In Russian]
- Book of Memory, 1941–1945. Kurgan Region*. (1993). Parus-M. [In Russian]
- Kolonitskii, B. I., & Matskevich, M. G. (2022). Lenin as a “site of memory” in post-Soviet Russia: Memory of the politician and memory of the memorial project. *Perm University Herald. History*, (3), 125–137. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-125-137> [In Russian]
- Koposov, N. (2011). *Memory of Strict Regime: History and Politics in Russia*. Novoe Literaturnoe Obozrenie. [In Russian]
- Kuzmin, A. D. (2011). *Fire of Centuries*. Shumikha. [In Russian]
- Mazur, L. N. (2013). Image of the past: Historical memory formation. *Izvestia: Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, (3), 243–256. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/21845> [In Russian]
- Malinova, O. Yu. (2013). *Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia*. INION RAS. [In Russian]
- Malinova, O. Yu. (2015). *The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemmas of the Russian Identity*. Politicheskaya Entsiklopediya. [In Russian]
- Malinova, O. Yu. (2018). Memory politics as a field of symbolic politics. In *Collection of Scientific Papers “Methodological issues in the study of memory politics”* (pp. 27–53). Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Miller, A. I. (2009). Russia: Power and history. *Pro et Contra*, 13(3–4), 6–23. [In Russian]
- Miller, A. I. (2012). Historical politics in Russia: A new turn? In A. Miller & I. Lipets (Eds.), *Historical Politics in the 21st Century* (pp. 328–367). Novoe Literaturnoe Obozrenie. [In Russian]
- Miller, A. I. (2014). Memory politics in Russia: The year of shattered hopes. *Politeia*, (4), 49–57. [In Russian]
- Naumov, S. S., & Ryzhenko, V. G. (2019). Monuments to victims of local conflicts and catastrophes in post-Soviet memorial culture (on the example of large cities in Western Siberia). In T. I. Ryabova (Ed.), *Proceedings of the 6th International Scientific-Practical Conference “Problems and Trends in the Development of the Socio-Cultural Space of Russia: History and Modernity”* (May 17–18, Bryansk) (pp. 430–438). Bryansk State University of Engineering and Technology. [In Russian]
- Nora, P. (1999). Between memory and history: Les lieux de mémoire. In P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, & M. Winock, *France-Memory* (Translation from French) (pp. 17–50). St. Petersburg University Press. [In Russian]
- Repina, L. P. (2011). *Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*. Krug. [In Russian]
- Svyatoslavsky, A. V. (2013). *History of Russia in the Mirror of Memory: Mechanisms of Historical Image Formation*. Drevlekhranilishche. [In Russian]

Stepantsevich, T. V. (2021). Transformation of the Great Patriotic War commemoration practices in modern Russia. *Herald of Humanitarian Education*, (1), 119–123. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.014> [In Russian]

Tumarkin, N. (1999). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Academic Project. [In Russian]

Halbwachs, M. (2007). *The Social Frameworks of Memory*. Novoe Izdatelstvo. [In Russian]

Информация об авторе

Алексей Леонидович Авдеенко, заведующий сектором «Региональный центр Президентской библиотеки», Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, Курган; ассистент кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, Курган; аспирант, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

avdeenkoalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5101-3938>

Information about the author

Aleksey L. Avdeenko, Head of the Regional Center of the Presidential Library, Kurgan Regional Universal Scientific Library named after A. K. Yugov, Kurgan, Russia; Assistant, Department of History and Documentation, Kurgan State University, Kurgan, Russia; Postgraduate Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia

avdeenkoalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5101-3938>